

МОЕ ВЗРОСЛОЕ ДЕТСТВО

Людмила ГУРЧЕНКО

К ЧИТАТЕЛЯМ «СОВЕТСКОЙ РОССИИ»

Когда на свет появляется незаконнорожденное дитя, то мать всегда очень волнуется — как воспримут это друзья и недруги. Вот что-то в этом роде испытала и я, когда вышла первая часть повести «Мое взрослое детство». До меня уже доходят первые отклики, и первые ощущения настоятельности сменяются на чувства уверенности в справедливости принятого однажды решения. Именно какое-то единодушие, понимание того, что мне хотелось поведать, дали возможность для этой публикации, предварающей выход второй части в четвертом номере журнала «Наш современник».

Я не профессиональный писатель и не собираюсь им становиться — не мое это дело. Эту книгу я писала так, как актриса «пишет» образ своей героини. Я записывалась в комнате и воспроизводила ситуации, сцены, образы живущих в моем сердце родных и близких людей. Я переполнялась тем, что сохранила память, о чем я беспрепятственно рассказывала своим друзьям. Так появилась эта книга. И я благодарна своим друзьям, ибо без их поддержки этой книги не было бы.

ВЫСШЕЕ ЧУВСТВО. Новое, неосознанное чувство начинало во мне рождаться именно тогда, в годы войны, когда я пела в госпитале. Я точно знала, что это чувство связано со словом «любовь». «Это — любовь». Но к чему? К кому? Номером один для меня была любовь к папе. Для нее самое большое место в сердце. Она не может смешиваться с другой любовью.

Любовь номер два — любовь к музыке, к кино, к профессии. А какая же еще любовь? Мои увлечения мальчишками и подружками? Нет, это не то... Эта новая любовь, это новое чувство начинало постепенно вытеснять все остальные и становится рядом с номером один — любовью к папе. А потом я уже не могла понять, где «любовь к папе», а где «это». Что же это за мучительное чувство?

Почему, когда я пою:

Любимый город может спать спокойно,
И видеть сны, и зеленеть среди весны...

я хочу любимому измученному Харькову довоенных счастливых дней, готова отдать все, чтобы защищать его, чтобы мой город зеленел среди весны?..

Это «чувство», эта непонятная мучительная любовь уводила, уносила меня высоко-высоко. Я бывала под гипнозом «этого» чувства.

Теперь я знаю, как «это» чувство формулируется. Я знаю, что это за любовь.

Это — любовь к Родине! Да, вот так просто. Просто и сложно. Так просто и так сложно, радостно и болезненно располагается она в сердце.

«Это» мне подарил мой папа! Этим чувством он был пронизан насквозь. Он этого и не осознавал, но весь состоял из этого...

Это чувство живет со мной постоянно. Я о нем не думаю. Оно само напоминает о себе, проявляется неожиданно в самые трудные минуты, когда кажется вот-вот потеряешь силы, надежду... Оно становится рядом с тобой, вливает в тебя свою могучую силу. И опять твердо стоишь на земле.

В 1972 году я была с группой кинематографистов в туристической поездке по Италии — Сорренто, Капри, Неаполь, Рим. Был уже конец поездки. Мы возвращались в Рим, оттуда в Москву.

Мы ехали в большом мягком автобусе. За окном, по обе стороны трассы, рос мелкий кустарник. Было начало октября. Трасса называлась «Солнечной», а день был пасмурный, накрапывал дождь...

Я сидела, погруженная в свои мрачные мысли. Дождь, серость за окном еще больше давили на душу. И вдруг я встала. Почему? Я и не думала вставать... Куда идти? Что я буду сейчас делать? Почему я взяла смелость обратить на себя внимание?

Меня подняла какая-то сверхсила. Я опять была под гипнозом, как в детстве, тогда, в госпитале. Я подошла к водителю, попросила у него микрофон. Я уже ни на кого не смотрела, только на скучный серый пейзаж «Солнечной» трассы.

После тревог
Спит городок,
Покидая ваш маленький город,
Я пройду мимо ваших ворот.
Хоть я с вами совсем не знаком
И далеко отсюда мой дом!..

Члены делегации кинематографистов смотрели на меня новым, заинтересованным взглядом: что-то мы в ней просмотрели, что-то она так «заглохла», не снимается... Нет, нет, что-то в ней «свое» есть...

Вася Шукшин смотрел на меня повлажившими глазами. Он как будто стал красивее, шире, могучее. Смотрел на меня прямо, вглубь... Первый раз за всю поездку мы услышали его голос. Он сказал громко:

— Люся, спой ту, которую ты пела по телевизору... знаешь, какую?
— А-а? Конечно.

Тропинка узенькая вьется
Через сугробы вдоль плетня.
Я прохожу, а у колодца —
Судачат бабы про меня.

Чувство Родины наиболее остро проявляется за границей. Твой дом, твоя земля, твоя Родина — остались там. А ты здесь. И если в тебе самом нет этого чувства, нет этой силы, которая дает тебе опору, то тогда ты — один, беззащитен, раним, проваливаешься и спотыкаешься, становишься похож на дом без фундамента...

КОНЦЕРТ В ДЕРЕВНЕ. Для меня этот концерт был очень важным. Если раньше я в одном выступлении только пела или пела и танцевала, или пела и показывала акробатический этюд, то в этом концерте в деревне я впервые должна была все это соединить и еще аккомпанировать папе на баяне во время его solo на маленьком гармошке. Только успевай! Лишь бы хватило духу! Я замирала от предвкушения радости этого вечера...

...После концерта были танцы. Папа играл, а я с видом взрослой, опытной актрисы — одна бровь вверх, другая вниз — устало улыбалась публике...

Когда я буду актрисой, я обязательно буду и петь, и танцевать, и играть; и четку, и акробатику... Как сегодня. Ах, какое необыкновенное счастье быть актрисой!

Моя мечта все сыграть в одной роли осуществилась через тридцать лет, в 1978 году в телевизионной программе «Бенефис». Здесь все мои героини поют, танцуют и, как и каждая женщина, мечтают о любви! Готовая, в гриме, я входила в павильон, включали фонограмму... разливалась музыка, блаженство! И я неслась на крыльях навстречу своей осуществившейся мечте! Кто назвал этот жанр легким? Почему он неуважаем и к нему нет должного внимания? После «Карнавальной ночи» я долгие годы была актрисой несерьезной — «актрисулкой» легкого жанра. Я на себе испытывала эту второсортность... Но какой же он легкий, если актеров этого жанра можно сосчитать по пальцам, а режиссеров и того меньше?!

Если это такой легкий жанр, то почему драматические актеры так редко бывают интересны в нем? Сейчас этот жанр в моде. Нет ни одного театра, где бы не ставили мюзикла. Почему же так мало интересных открытий? Потому что для легкого жанра надо родиться! Если актер под чужую фонограмму открывает рот, то он только синхронно артикулирует, а поет и рвется наружу чья-то другая талантливая и эмоциональная душа. Если талант навязан актеру, то сразу заметно, что он не танцует, а работает. А работы в легком жанре не должно быть видно. Вот в этом смысле он действительно «легкий».

Теперь мне встало предстать «легким» старым — принадлежность к легкому жанру. Недавно в одной статье, где разбирались мои последние драматические роли, проскользнула мысль: теперь, мол, она имеет право повальски дурака и побалагурить в «Бенефисе». Рядом с такими серьезными ролями это можно себе позволить... Нет. Для меня это не так. Мой любимый легкий жанр меня всегда обновлял и делал счастливым, несмотря на результаты.

И тогда, в деревне, после концерта мы с папой бы-

ли так счастливы — мы два часа «держали» зал! **СОВСЕМ БЕЗНАДЕЖНО.** Я всегда отпугивала людей, когда повзрослела. Особенно раньше. Я не понимала, в чем дело? Те, которые потом меня еще видели и узнавали получше, почти всегда впоследствии становились моими друзьями, товарищами, подругами. Ну а те, которые видели всего один раз, отворачивались. И я терпела в жизни неудачи. Но самые большие переживания были в работе.

Если тебя приглашают на роль, то первый этап — знакомство с режиссером. У меня долгое время этот этап был первым и последним — я с первой минуты начинала «выделяться». «Что это с ней? И в институте, говорят, играла неплохо, да и в картине про ночь вроде нормальный человек...» — говорило недоуменное лицо режиссера. Он как-то извинительно, с потухшими глазами со мной прощался — и больше мы не виделись...

Ну кто же меня со всеми моими потрохами примет? Со всей моей эклектикой и «четочками»? Ведь это надо принять, полюбить, а иначе меня просто нет.

...Фильм «Мама», где я получила травму, я закончила с гипсом, на костылях. В картине «Обратная связь» не сделала ни одного шага — только сижу и стою на здоровой левой ноге. Во «Второй попытке Виктора Крохина» я уже делала два-три шага, незаметно опираясь на стол. И вот новая роль.

Нога болит нестерпимо. А мне сейчас нужно быть победоносной, эксцентричной, разбитной и завлекательной. Мой партнер моложе меня на десять лет. Я его еще юношей видела на экране, а мне тогда было двадцать семь лет. Тогда я вообще не снималась. Теперь ему тридцать, он сильный, красивый, здоровый. Нам сейчас предстоит дуэт-состяжание, мы должны вот-вот сойтись в сцене и подняться на самую высокую ноту, попасть в «жанр»...

Нет сил ничего доказывать, нет желания. Такая разбитая, хочется лечь быстрее. Сколько можно доказывать? На пробе доказываешь, на репетиции, на концерте, в интервью, в жизни — все доказываешь, доказываешь, доказываешь. Ну нет же сил... Что делать, как уйти от неминуемой сцены?

Стою за домом. Меня никто не видит. Я одна. Отсюда я пойду на камеру, навстречу роли, партнеру, людям, которые потом мне станут родными, навстречу режиссеру. Ой, ну не могу, ну нет же сил... «Мотор!»

Сердцу больно, уходи, довольно,
Мы чужие, обо мне забудь.
Нет, не надо — ни руки, ни взгляда...

И я уже иду навстречу молодому партнеру и вижу его складки у рта и лоб в морщинках, и мне от этого легче... На ходу, шаг от шага, чувствую, что делаюсь изящнее, стройнее и моложе.

А почему я не хромаю? Ведь это же мы обговорили, это интересно, как сказал режиссер. Но нога совершенно не болит. Она здоровая. Первый раз не болит за этот мучительный год. Но все, уже поздно. Начинается сцена. Партнер заглянул глубоко мне в глаза, а дальше — уже не я, уже кто-то другой. Никогда, ни на одной, самой подробной репетиции так полнокровно не узнаешь партнера и себя, как после слова «мотор», «горячим» способом. Тут видно все. Ничем не прикроешься. Это самое мощное и высокое напряжение всех твоих актерских и человеческих ресурсов.

...Я сразу осунулась, сильно захромала и, держась за забор, пошла опять туда, где меня никто не видит.

— Эй ты, Коза, ну как тебе твой партнер?

— Ой, что вы, Никита Сергеевич, по-моему, хорошо... Получилось вроде.

— А-а... нравится! Эх ты, такую роль на Козу променяла.

Я двинула плечами, сутулая, сникшая... Я его больше не стеснялась, он сейчас так много узнал про меня, а я про него, как будто мы долгие годы знали друг друга.

Мне кажется, из всех профессий в кино профессия режиссера — самая вибрирующая. Режиссеры — самые неверные люди. Я время от времени анализировала причины. В общем, так оно и должно быть. Если в центре фильма человек, который не возбуждает режиссера к фантазии, к новому, к сверхсилам, если режиссер в него не влюблен и не восхищается им, то снимать фильм трудно, иногда невозможно. Потому режиссер и меняет в своих картинах актеров, объект, отстывает к предыдущим, которых он снимал, и результаты от этого не становятся хуже. Просто этот режиссер работает вот так. Но мне ближе такой, который заранее знает, что и в следующей работе он будет вместе со своими проверенными друзьями-единомышленниками, и они его не подведут. Я с удовольствием иду на фильм Даниели потому, что обязательно увижу там Евгения Леонова, на фильме Панфилова потому, что увижу там Инну Чурикову. Они — единомышленники. Происходит взаимное обогащение, а выигрывает от этого их фильм, искусство... И вот 1976 год. Я снималась на Рижской студии. Вечером в гостиницу звонок из Москвы: «Здравствуйте. Это Михалков. Что вы делаете летом? Вы читали Чехова — «Платонов»? Там есть роль генеральши. Я ее готовлю для вас. Вы мне нужны будете совершенно свободной. У меня репетиционный период. Обязательно. Мы с вами договорились. Я вам буду звонить»...

Я порадовалась, порадовалась и «закрывает клапан», чтобы потом не расстраиваться. И больше никаких звонков. Ни слуху, ни духу. Правильно. Чудес не бывает. Я к этому привыкла. И начала сниматься в совместной постановке — «Мосфильм», Румыния, Франция — в мюзикл «Мама».

Опять звонок домой: «Это Михалков. Я был в больнице. Срочно начинаю пробы. Надо подобрать грим, костюм. Давайте, приезжайте завтра на студию».

«Я не могу. Я уже снимаюсь в «Маме».

«В какой маме?»

«Ну, так фильм называется...»

«Нет, вы серьезно?»

«Фильм так называется — «Мама». Это мюзикл по сказке «Волк и семеро козлят», а я играю Козу».

«Козу???»

«Ну, так в сценарии...»

«Слушайте, что вы говорите? Какая коза? Я же вас просил освободить лето! Я же на вас писал роль?»

«Я вам не поверила, я не верю режиссерам...» Так захотелось плакать! Неужели он говорит правду? Неужели он действительно для меня писал роль?

Пробы по «Платонову» — «Неоконченная пьеса для механического пианино» мы с Михалковым провели. Директора картин «Мама» и «Механическое пианино» уже договаривались о моей занятости... И тут я получила тяжелую травму. Все остановилось.

Да, такую роль на Козу променяла!

Через два года рано, часов в восемь, неожиданного звонка...

«Я свободна», — сказала я, не моргнув глазом. И в тот же вечер прервала переговоры с группой, где уже была намечена проба, а режиссера еще и в глаза не видела. Звонили ассистенты...

А к съемкам все — внутри — лежит на местах. Треть струну — и весь аккорд ответит! На съемках — ни нервов, ни репетиций, ни выяснений отношений между героями — уже все выяснено. По движению брови, по скошенному рту режиссера я знала, куда мне повернуть. В самых трудных сценах Михалков подходил и молча брал меня за плечи: «Ну, ты все поняла». От этого доверия появлялись новые силы, и я играла сцену.

Мне не стыдно здесь, на съемочной площадке, рассказывать, как мой папа говорил мне в детстве: «Дуй свое, дочурка, надо «выдлеться». Иди вперед, мой богинька, моя клоуновка...» Мне не стыдно воспроизвести папину неграмотную речь. Да, папа для меня — это моя боль, моя радость, моя гордость.

Кажется, меня евкий раз притянул со всеми моими потрохами, эклектикой и четочкой.

— Богинька, клоуновка, иди на место в кадр, — тепло обращается ко мне оператор Лебешев.

Точно, приняла.

— Мотор, — шепотом говорит Михалков, и я иду в кадр, в счастливый финал роли...